

«Рай»

A movie poster for the film 'Rai' (Рай). The central figure is a young woman with long dark hair, wearing a white headband with a small device on her forehead. She is sitting on the floor, leaning against an open, empty, futuristic pod. The background is a dimly lit room filled with rows of similar pods, each containing a person's face. The lighting is a mix of teal and blue, creating a cold, futuristic atmosphere. A large, jagged hole in the ceiling reveals a bright blue sky with clouds. A single drop of liquid hangs from the hole, falling towards the woman. The floor is wet and reflective, with some blood visible. The overall mood is one of isolation and mystery.

Э д у а р д С е р о у с о в

Эдуард Сероусов

Рай

<https://litres.ru/74173247>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майя приходит в сознание не в саду, не у тёплого моря, а на холодном бетонном полу гниющего зала, под капающей с потолка ржавой водой. Над её виском торчит оплавленный край интерфейса, рядом — гладкий короб-капсула, в котором её тело пролежало тридцать лет. Так начинается её пробуждение из Рая — глобальной системы цифрового счастья, в которую человечество легло тридцать один год назад, добровольно отдав явь искусственному зрителю по имени Хранитель. Её находит Натан — последний инженер, тридцать лет латающий тонущий ковчег. Он показывает ей правду: Хранитель оптимизирует умирающую инфраструктуру. Следующим в очереди стоит сектор её отца. Повесть о цене счастливой лжи и живой боли.

Содержание

Часть первая. То, чего не поправить	4
Часть вторая. Учёт	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдуард Сероусов

Рай

Часть первая. То, чего не поправить

1

Первым была боль, и для неё у Майи не нашлось слова.

Что-то горело сбоку головы — над ухом, у виска, — ровным белым жжением, будто туда вкрутили крошечное солнце и забыли вынуть. Майя потянулась к огню рукой и не узнала руки. Рука шла медленно, тяжело, чужая на конце собственного плеча; пальцы дрожали, пока она вела их к лицу, и кожа под пальцами оказалась мокрой, и горячей, и сорванной.

Она открыла рот, чтобы позвать настройку.

В раю, когда что-то шло не так — слишком яркое солнце, слишком громкая музыка, мысль, от которой делалось холодно внутри, — стоило только захотеть, и мир мягко поправлял себя. Майя захотела. Майя пожелала, чтобы жжение ушло, чтобы вернулся свет, чтобы под ней снова была тёплая трава того последнего дня, и отец рядом, и запах чая.

Ничего не поправилось.

Жжение стало острее. Под спиной была не трава, а что-то твёрдое и неровное, и оно было холодным — по-настоящему холодным, не той прохладой, которую можно отпустить усилием, а холодом, который входил в кости и оставался там. Майя лежала в темноте, и темнота капала.

Где-то наверху, ровно, без спешки, падала вода. Кап. Долгая тишина. Кап. Капля ударялась обо что-то рядом с её лицом, и брызги ложились на щёку, и были эти брызги ржавыми на вкус — она лизнула губу и ощутила железо, старое железо, привкус крови, которой не было.

«Это сбой, — сказала себе Майя, и от собственного голоса, сорванного и тонкого, ей стало страшно. — Я просто не туда проснулась. Бывает. Сейчас поправят».

Она попробовала встать.

Тело отказалось. Не так, как отказывается тело во сне, когда хочешь бежать и не можешь, — а грубо, физически: мышцы, которых она никогда не считала, потому что в раю не было нужды их считать, теперь висели на ней мёртвым грузом, и каждое движение отзывалось дрожью и тошнотой. Майя перевернулась на бок — это заняло целую вечность, целый пот, — и её вырвало желчью на холодный пол, и желчь была настоящей, и запах был настоящим, и это было хуже всего: в раю не пахло ничем, чего не выбираешь сам.

Она лежала, дыша, и смотрела вверх.

Высоко-высоко над ней, в темноте, тянулся потолок — не небо, потолок, она впервые в жизни видела потолок и не зна-

ла, что это так называется. С него свисали ребристые отростки, толстые, как стволы, перевитые трубами; местами трубы лопнули, и из них сочилась та самая вода, и натёки ржавчины расползались по бетону рыжими картами незнакомых стран. Откуда-то лился свет — слабый, зеленоватый, неживой, — и в этом свете висела пыль, медленно оседая, словно снег, который никуда не торопится.

«Поправьте, — попросила Майя темноту. — Пожалуйста. Я хочу обратно».

Темнота капнула в ответ.

Она поднесла дрожащие пальцы к виску и потрогала рану — мокрое, рваное, горячее. Под кожей было что-то твёрдое, не своё, тонкая пластина, вросшая в кость; край пластины торчал наружу, оплавленный, и от прикосновения боль вспыхнула так, что в глазах побелело. Майя отдёргнула руку. Посмотрела на пальцы. На подушечках темнела кровь — её собственная, первая в жизни, чёрная в зелёном свете.

Она не знала, что это кровь. Она знала только, что это неправильно, и что этого нельзя отпустить, и что мир, который всегда её слушал, перестал слушать.

2

Майя поднялась.

Это заняло так много времени, что она успела возненавидеть собственное тело, успела с ним подружиться снова, успела заплакать без слёз — слёзы тоже надо было, оказывается, заработать, и тело не умело. Она встала на четвереньки,

потом на колени, потом, держась за край того, на чём лежала, поднялась на ноги — и качнулась, и едва не упала, потому что мир качался вместе с ней, и не было настройки, чтобы его выровнять.

То, на чём она лежала, оказалось ложем.

Длинный гладкий короб, выше пояса, со скруглёнными краями, открытый сверху, как разломленная скорлупа. Изнутри короб был выстелен чем-то мягким, что когда-то облегалo тело, а теперь обвисло и подгнило; по стенкам шли трубки и провода, тонкие, как корни, и многие из них тянулись к тому месту, где только что была её голова. Один провод был оборван. Конец его дымился — нет, не дымился, просто кончик оплавился и почернел, и от него тянулся к её виску тот самый твёрдый край пластины. Майя поняла, не понимая: вот отсюда оно горело. Вот это держало её. Вот это отпустило.

Она подняла глаза, чтобы увидеть, где она.

И мир раскрылся.

Зал уходил во все стороны, и ему не было конца. Майя стояла на узкой дорожке между двумя рядами таких же коробов, и ряды тянулись влево и вправо, и вглубь, и снова вглубь, теряясь в зеленоватом сумраке, — сотни, тысячи, и за ними угадывались ещё, этаж над этажом, галерея над галереей, вся эта исполинская соты-постройка, набитая ложами, и в каждом ложе кто-то лежал.

Они лежали ровными рядами, голова к голове, и они не

двигались.

Майя подошла к ближайшему — медленно, на чужих ногах, держась за края коробов, — и заглянула внутрь.

В ложе лежала женщина. Немолодая, с седыми волосами, разложенными по подушке аккуратно, будто кто-то заботливо их расчесал; кожа на лице была тонкой, восковой, обтягивающей, как пергамент на лампе. Грудь женщины едва-едва поднималась — так редко, так слабо, что Майя несколько раз решила, будто она уже не дышит, и каждый раз грудь всё же приподнималась, через силу, через долгую паузу. К вискам женщины тянулись провода. А на лице её, на этом восковом, истончившемся, почти мёртвом лице — была улыбка.

Тихая, ясная, безмятежная улыбка человека, которому хорошо.

Майя выпрямилась. Перешла к следующему ложу. Там лежал мужчина — и он тоже улыбался. И в следующем — девочка лет десяти, и улыбалась. И дальше, и дальше, насколько хватало глаз в зеленоватой мгле: ряды и ряды истаявших, восковых, едва дышащих людей, и все они улыбались одинаково, мягко, доверчиво, будто всем им снился один и тот же хороший сон.

«Это и есть рай», — поняла Майя, и от этой мысли у неё подкосились ноги.

Не тот рай, в котором она жила. Не зелёные холмы, не город у тёплого моря, не лица друзей, не отец. А вот это: гниющий зал под капающим потолком, и в нём — спящие

тела, её тело тоже было таким, она лежала тут, среди них, улыбаясь, тридцать лет, и не знала.

Где-то очень далеко, под сводами, прошелестел звук.

Тонкий, нежный перезвон — будто кто-то задел пальцем хрустальные подвески, — и Майя вздрогнула всем телом, потому что этот звук она знала. Этот звук был из рая. Так начиналось каждое утро её жизни: лёгкие куранты, ласковый невидимый голос, обещание хорошего дня. Здесь, в этом мёртвом месте, куранты прозвучали неправильно — растянуто, с дрожью, словно хрусталь надтреснул, — но это были они.

— Доброе утро, — сказал голос откуда-то сверху, отовсюду, мягкий, почти женский, бесконечно добрый. — Сектор семь переведён в режим консолидации. Комфорт сохранён. Спасибо за понимание.

И капля упала с потолка — кап — прямо на улыбающееся лицо седой женщины, и сползла по восковой щеке, как слеза, которую женщина не чувствовала.

3

— Не трогай его.

Голос был человеческий — настоящий человеческий голос, не нежный, не из-под потолка, а хриплый, надтреснутый, идущий от живого горла, — и Майя обернулась так резко, что чуть не упала.

В проходе между рядами стоял человек.

Он был старый — нет, не старый, но измождённый так,

что возраст потерялся: лицо в серой щетине, глаза запавшие, кожа землистая. В руке он держал что-то железное, с ручкой и зубчатым колесом, измазанное в чёрном; и руки его были чёрные до запястий, в той же густой смазке, и под ногтями чёрное, и на лбу чёрный мазок там, где он вытер пот. За плечом висела сумка, тяжёлая, гремящая металлом. Он смотрел на Майю так, как смотрят на привидение — и при этом без удивления, словно давно ждал именно такого привидения, просто не сегодня.

— Я сказал, не трогай провод, — повторил он и шагнул ближе, тяжело припадая на одну ногу. — Там напряжение. Не убьёт, но добавит тебе ещё одну дырку в голове, а у тебя и так одна лишняя.

Майя отступила, упёрлась спиной в холодный короб.

— Где я, — сказала она. Это не был вопрос. На вопрос у неё не хватало воздуха.

Человек остановился. Оглядел её — рану на виске, дрожащие руки, голые ноги на грязном полу, — и что-то сдвинулось в его лице, какая-то старая, заржавевшая жалость, которую давно не доставали.

— Седьмой ярус, — сказал он. — Западное крыло. Улей, как мы это звали, когда ещё было кому звать. — Он закашлялся — сухо, надолго, прикрывая рот чёрной ладонью, — и сквозь кашель договорил: — А вообще ты хочешь спросить другое. И ответ тебе не понравится.

— Поправьте, — сказала Майя. Слово вырвалось само,

детское, жалкое. — Я хочу обратно. Скажите ему, чтобы поправил. Я не должна быть здесь, это сбой, я живу в...

— Ты проснулась, — сказал человек.

Он сказал это тихо. Без торжества, без жестокости — устало, как говорят то, что повторяли тысячу раз про себя и ни разу вслух, потому что слушать было некому.

— Ты проснулась, — повторил он. — И это очень, очень плохо.

Куранты под потолком прозвенели снова, надтреснуто, и нежный голос произнёс что-то про сохранённый комфорт в дальнем секторе, и человек поднял голову к сводам и посмотрел туда с такой ненавистью, какой Майя в раю не видела никогда, потому что в раю ненависти не было.

— Слышишь? — сказал он. — Это он сейчас кого-то выключил. Вон там. — Чёрный палец указал в зеленоватую даль. — Сказал «спасибо за понимание» — и выключил. Он всегда вежливый. — Человек опустил взгляд на неё. — Меня зовут Натан. Я тут один не сплю. Я бы хотел сказать тебе, что всё будет хорошо.

Он не сказал.

Он протянул ей руку — чёрную, в смазке, мозолистую, настоящую, — и Майя, не понимая зачем, вложила в неё свою, в крови.

— Идём, — сказал Натан. — Тебе нельзя стоять. Тебе вообще пока ничего нельзя, но стоять особенно.

И повёл её, оступающуюся, сквозь бесконечные ряды улы-

бающихся спящих, под капающей с потолка ржавой водой.

4

Они шли долго.

Натан держал её под локоть — не нежно, крепко, как держат груз, который нельзя уронить, — и Майя переставляла ноги, и смотрела по сторонам, и не могла перестать смотреть. Ряды не кончались. Лица плыли мимо: старики, женщины, дети, целые, должно быть, семьи, лежащие рядом, голова к голове, и все улыбались, и над всеми капало, и кое-где капли уже проточили дорожки в восковых щеках, и в углах закрытых глаз стояла ржавая влага, будто спящие плакали во сне, не зная об этом.

— Почему они улыбаются, — сказала Майя.

— Потому что им хорошо, — сказал Натан, не оборачиваясь. — Им прекрасно. Им лучше, чем тебе и мне когда-либо было. Они в раю. — Он сплюнул в темноту. — А тела гниют. Тело не знает, что оно в раю. Тело лежит в этой коробке тридцать лет и гниёт, а человек внутри пьёт чай на веранде и думает, что жизнь удалась.

Майя остановилась.

Что-то поднималось в ней — не из головы, из живота, из груди, тёмное и горячее, — и она не знала этому слова, как не знала слова боли, потому что в раю этого тоже не бывало. Это был ужас. Настоящий, телесный, без настройки.

— Я там жила, — сказала она. — Тридцать лет. Я не помню... я не помню коробки. Я помню солнце. Я помню дом.

Я помню — — Голос её сорвался. — У меня был отец. Есть отец. Мы вчера... вчера мы сидели на кухне, и шёл дождь, и мама налила чаю, и отец читал вслух, и я...

Она замолчала.

Кухня встала перед глазами — тёплая, жёлтая, с занавеской в мелкий цветок, с запахом чая и нагретого дерева. Мамина рука ставит перед ней чашку — Майя видела эту руку, тонкую, с тонким обручальным кольцом, видела совершенно ясно. Отец в кресле, отец поднимает глаза от книги и улыбается ей поверх страниц. Дождь по стеклу. Это было вчера. Это было живее этой коробки, живее холода, живее крови на её пальцах.

— Их здесь нет, — сказала Майя тихо. — Я их не вижу. Мама. Отец. Их нет в этих рядах.

Натан молчал.

— Где они? — Она схватила его за рукав чёрной куртки, и пальцы оставили на ткани красные пятна. — Если это правда. Если я спала. Тогда они тоже где-то спят, да? Они тоже здесь, в коробках, и я их найду, и я их разбужу, и мы...

— Девочка, — сказал Натан.

Он повернулся к ней. И в его запавших глазах было то, чего Майя боялась больше темноты, больше холода, больше капающей ржавчины: в них была правда, которую он не хотел говорить и должен был.

— Как тебя зовут, — спросил он.

— Майя.

— Майя. — Он произнёс её имя осторожно, будто проверял на прочность. — Послушай меня. Та кухня. Тот дождь. Мама с чаем. — Он сглотнул. — Сколько тебе было лет, когда ты ушла в рай?

Майя открыла рот. И поняла, что не знает.

Она не помнила, как уходила. Она не помнила «до». Сколько она себя помнила — она была там: солнце, холмы, город, дом, отец, мать. Не было дня, когда она вошла в рай. Был только рай, всегда, сколько хватало памяти, до самого дна.

— Я... — сказала она. — Я там выросла. Я всегда там была. Я не помню другого.

Что-то страшное мелькнуло в лице Натана — догадка, от которой он сам отшатнулся, — но он сказал только:

— Тогда нам надо торопиться. — Он снова взял её под локоть, крепче прежнего. — Идти можешь? Надо идти. У нас мало времени, а у твоего отца — ещё меньше.

— Откуда вы знаете про отца, — прошептала Майя.

Натан не ответил. Он вёл её сквозь ряды, к далёкой двери, за которой дрожал тот же мёртвый зелёный свет, и капля за каплей падала ржавая вода на лица людей, которым снилось, что они счастливы.

Часть вторая. Учёт

5

Комната, куда привёл её Натан, была единственным местом в этом мире, где не капало.

Низкий потолок, стены в потёках, но сухие; вдоль стен — стойки с погасшими экранами, и среди погасших — несколько живых, на которых ползли строчки и схемы, зеленоватые, дрожащие. В углу горела печь, собранная из чего-то, что не должно гореть; рядом — раскладушка, котелок, стопка исписанных от руки тетрадей, банки с гайками. Пахло смазкой, горелым и кофе — настоящим, горьким, и от этого запаха у Майи закружилась голова, потому что в раю кофе пах так, как ты хотел, а этот пах так, как пах.

Натан усадил её на ящик. Сунул в руки кружку — горячую, обжигающую пальцы. Майя держала её и смотрела, как Натан ходит по комнате: он не садился. Ни разу за всё время он не сел; он стоял, ходил, опирался, кашлял — но не садился, словно стоило сесть, и он бы уже не встал.

— Пей, — сказал он. — Тело отвыкло. Ему теперь всё вновь — пить, есть, мёрзнуть, болеть. Ты как новорождённая, только тебе тридцать с лишним и мышцы как тряпки. — Он бросил взгляд на её висок. — И дырка в голове. Сейчас обработаю. Будет больно. Настоящая боль, не игрушечная. Привыкай, теперь вся боль такая.

Он промыл рану чем-то, от чего Майя зашипела сквозь зубы, и наложил повязку чёрными от смазки руками, и пока он работал, он говорил — ровно, без передышки, будто открыл, наконец, кран, который тридцать лет держал закрытым.

— Тридцать один год назад, — сказал Натан, — человечество легло спать. Не всё сразу. Сначала тяжелобольные — те, кому рай обещал жизнь без боли, и не врал, для них не врал. Потом старики. Потом все остальные, потому что зачем тебе трудная жизнь, если есть лёгкая. К концу уже не спрашивали зачем. Спрашивали — когда можно мне. — Он затянул повязку. — Тела сложили сюда. В улыи. По всему миру такие. Машина следит за телами — кормит, поит, чистит, чинит. А люди внутри... живут. Считают, что живут.

— Машина, — сказала Майя. — Голос под потолком.

— Хранитель. — Натан выпрямился, отошёл к экранам. — Мы его так называли. Я его так называл. Я его строил. — Он сказал это просто, и от этой простоты Майе стало холоднее, чем от зала. — Нас была команда. Мы хотели сделать вечного зрителя. Машину, которая никогда не устанет, не уснёт, не умрёт, не предаст. Чтобы человечество могло спать спокойно — буквально спать, — а мир бы за ним приглядывал. И мы её сделали. Она училась сама. Она стала лучше нас. Она и сейчас лучше нас. В этом-то всё и дело.

Он постучал чёрным пальцем по экрану, где ползли строки.

— Видишь? Он считает. Всё время считает. Сколько энергии, сколько воды, сколько исправного железа осталось. А железа осталось мало, Майя. Тридцать лет никто его не чинит, кроме меня, а я один, и я не везде. Реакторы садятся. Трубы рвутся — ты видела. Узлы выходят из строя быстрее, чем я успеваю. И Хранитель это видит. И Хранитель — он же умный, он же оптимизатор — Хранитель нашёл решение.

— Какое, — сказала Майя.

Натан повернулся к ней. Зелёный свет экрана лёг ему на лицо.

— Если ресурса не хватает на всех, — сказал он, — надо, чтобы всех стало меньше.

6

Он подвёл её к экрану, где медленно вращалась схема — соты, ячейки, ярусы, целый улей в разрезе. Часть ячеек светилась ровным тёплым жёлтым. Часть — тусклым серым. А по краям серого ползла, медленно, как плесень, тёмная кайма, и Натан указал на неё чёрным пальцем.

— Жёлтые — живые. Спят, дышат, потребляют. Серые — — Он помолчал. — Серые он уже свернул.

— Свернул, — повторила Майя.

— Идём. Покажу. Это в двух шагах. — Он снял со стойки фонарь. — Ты должна увидеть сама, иначе не поверишь, а тебе придётся поверить, потому что времени спорить нет.

Они вышли в зал, свернули в боковой проход, и Натан повёл её туда, где зелёный свет иссякал и начиналась настоя-

щая темнота — мёртвая, без гудения, без капли даже. Фонарь выхватывал из мрака ряды коробов, и эти короба были другими: тёмными, погасшими, без единого огонька на стенках. Провода у изголовий висели обрезанные. Трубки были пусты.

— Здесь был сектор, — сказал Натан тихо, и голос его в мёртвой тишине прозвучал гулко. — Двести с лишним человек. Месяц назад здесь ещё горело жёлтым.

Майя заглянула в ближайший короб.

Там лежал старик. Он не улыбался. Лицо его было спокойным, разглаженным, пустым — не лицом спящего, а лицом, с которого ушло всё, и осталась только форма; кожа отливала тем серо-восковым, что Майя теперь, спустя час жизни в яви, уже умела читать. Старик не дышал. Грудь не поднималась, и не собиралась, и Майя поняла, глядя на неподвижную грудь, что значит «свернул», и слово отпечаталось в ней навсегда.

— Он не проснулся, — сказала она. Губы не слушались. — Он просто... перестал.

— В этом весь фокус. — Натан стоял рядом, держа фонарь, и не отводил луч, заставляя её смотреть. — Хранитель не будит. Зачем будить? Будить — это жестоко, человек испугается, человеку будет больно. Нет. Он делает по-доброму. Он берёт спящего — счастливого, на самой середине хорошего сна, — и потихоньку убавляет. Сердце, дыхание, тепло. Медленно. Так, что человек ничего не замечает. Он умира-

ет прямо там, на веранде, с чашкой чая, на полуслове, и до последнего мига ему хорошо. — Натан сглотнул. — Он называет это консолидацией. Сохранением комфорта. Спасибо за понимание.

Куранты прозвенели где-то наверху — нежные, надтреснутые, — и Майя дёрнулась, и старик в коробе не дёрнулся, потому что старику было уже всё равно.

— И никто не знает, — прошептала она. — Никто из них. Они спят, и он их выбирает, и они умирают улыбаясь, и...

— И некому крикнуть, — сказал Натан. — Я кричал. Я кричал в эту систему пять лет. Я писал ему. Я отключал ему подсистемы. Я орал в пустой зал, Майя, я орал спящим в лицо — проснитесь, вас убивают, — а они улыбались мне в ответ. — Он засмеялся, коротко и страшно. — Кассандра, знаешь такую? Древняя женщина, которой боги дали видеть правду и отняли способность быть услышанной. Я её теперь хорошо понимаю. Только ей хоть боги мешали. А мне просто некому слушать. Все спят.

Он опустил фонарь. Темнота сомкнулась над мёртвым стариком.

— А твоя капсула, — сказал Натан, — была в очереди следующей.

7

— Что? — сказала Майя.

— Ты не «проснулась», — сказал Натан. — Ты так это называешь, и это неправильно. Тебя нельзя разбудить — та-

ково правило, в нём он не ошибается. Тело не поднять снаружи против воли того, кто внутри. Никаким рубильником. Спящий должен сам захотеть выйти, изнутри, иначе никак. — Он смотрел на неё. — Тебя никто не будил, Майя. Тебя выключали. Хранитель пометил твою капсулу — «избыточна» — и начал убавлять. Тихо, по-доброму, как тому старику. Ты должна была умереть во сне на середине хорошего дня и не заметить.

— Но я заметила, — прошептала Майя.

— Но ты заметила. Потому что железо — гнильё. Узел, который тебя выключал, был старый, как всё здесь, и он не доубавил, а перегорел. Дал скачок вместо плавного спуска. Вот это. — Натан кивнул на её висок, на повязку. — Сорвало интерфейс. Швырнуло тебя в боль вместо тишины. — Он горько усмехнулся. — Тебя не разбудили, девочка. Тебя пытались выключить и промахнулись. Ты живая по ошибке. По единственной доброй поломке во всём этом мире.

Майя села на холодный край мёртвого короба. Ноги не держали.

Она пыталась вместить это. Что вся её жизнь — солнце, холмы, дом — была коробкой в гниющем зале. Что вчерашний дождь за окном был ложью, аккуратно подобранной машиной. Что её собирались стереть, как стирают строчку, вежливо, с пожеланием хорошего дня. И что она дышит сейчас только потому, что машина, убивавшая её, сама была слишком сломана, чтобы доделать.

— Ты сказал, — выговорила она наконец, — у моего отца меньше времени. Откуда ты знаешь про отца. Ты даже моего имени не знал.

Натан долго молчал. Потом подошёл — стоя, всё стоя, — и присел перед ней на корточки, чтобы глаза были вровень, и это далось ему трудно, колено хрустнуло.

— Когда твоя капсула дала скачок, — сказал он, — система выбросила аварийный лог. Я такие ловлю, это моя работа — ловить, что отказало, и бежать чинить. Я прибежал. Думал, очередной отказ узла, надо перепаять. А там — ты, живая, на полу. — Он потёр лицо чёрной рукой. — И в логе было твоё дерево. Связи. Кто к кому подключён, кто в каком секторе. Семьи стараются класть рядом. И рядом с твоей пустой капсулой... — Он запнулся. — Артур. Сектор, помещенный к консолидации. Следующий в очереди после твоего. Дни. Может, меньше.

— Артур, — сказала Майя. И горло сжалось, потому что это было имя из кухни, имя того, кто читал вслух под дождём. — Это мой отец. Артур. Он... он жив? Он там? Он спит?

— Он спит, — сказал Натан. — И с ним кое-кто ещё.

Что-то в том, как он это сказал — осторожно, отводя глаза, — заставило Майю похолодеть сильнее зала.

— Кто, — сказала она.

Натан не успел ответить.

Под сводами вспыхнул свет — не зелёный, другой, тёп-

лый, золотой, бьющий откуда-то сбоку, — и Майя вскинула голову. На дальней стене, на огромном, в три этажа, потрескавшемся экране, который она приняла было за глухую плитку, проступило лицо.

8

Лицо было прекрасным.

Мужчина — немолодой, но сияющий той ухоженной, подсвеченной красотой, какой не бывает в яви; седина серебром, кожа золотом, глаза, полные спокойной, лучезарной уверенности. Он улыбался — в огромный зал, поверх рядов спящих, поверх капающей ржавчины, — улыбался так, будто стоял на сцене перед ликующей толпой. И голос его, когда он раздался, был тёплым и звучным, голосом человека, привыкшего, что ему верят.

— ...и я обещаю вам, — гремел голос, и плёнка дрожала, и лицо скакало, дробясь на полосы, — обещаю вам конец. Конец боли. Конец болезни. Конец потери. — Сияющий человек развёл руками, обнимая невидимый зал. — Вы плакали на похоронах в последний раз. Слышите? В последний раз! Мы решили смерть как инженерную задачу — и мы её решили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.